

На третий день после возвращения Сюэ Фэйфэна бдительность Шэнь Цинжана окончательно притупилась. Он вернулся к своим старым привычкам и принялся безбодно спать до полудня, сворачиваясь под одеялом в тугой кокон, точь-в-точь как впавшая в спячку гусеница. Парень выползал из постели, лишь когда солнце уже стояло в самом зените.

Оправдание у Шэнь Цинжана было железным: в хозяйстве не водилось ни коров, ни овец, ни куриц, да и полей засеянных не было — к чему в такую рань подрываться, если делать всё равно нечего?

Между тем природа постепенно погружалась в зиму. С деревенских полей уже полностью убрали рис, землю перекопали и засадили стройными рядами озимых овощей, которые должны были созреть как раз к Новому году. Куда ни кинь взгляд, вся поросль на участках стояла низенькой, и лишь на одном наделе густо и высоко вымахали заросли сахарного тростника, продолжая упрямо тянуться к небу.

Сахарный тростник был сочным, прохладным и сладким — его можно было грызть вместо фруктов, а можно было пустить под пресс для производства сахара.

Семья, которая владела этим участком, носила фамилию Сунь. Они были чужаками, переехавшими в эти края со стороны. Буквально на днях хозяин получил письмо с малой родины: оказалось, его двоюродные братья неслабо разбогатели на торговле шелком и теперь звали его к себе в долю.

И впрямь, ради чего ему было до конца дней горбатиться на этих жалких пашнях? Разве так дождешься хорошей жизни?

Второй старик Сунь, пораскинув мозгами, пришел к выводу, что родичи кругом правы. В свое время, когда на их родине разразился страшный голод, братьев и сестер раскидало кого куда.

Сам он сдуру выбрал эту глухомань — тишина-то здесь была тишиной, да только жизнь текла бедная, а выращенный тростник в округе и продать-то было некому. Старик твердо решил вернуться к истокам, чтобы вся семья снова была вместе.

К тому же в преклонном возрасте каждого человека начинает одолевать тоска по родным местам; Сунь-второй больше всего на свете боялся помереть на чужбине, так и не увидев родного дома.

Вот только эти несколько му сахарного тростника в Лицзяцунь стали для него костью в горле.

Тростник больше всего на свете боится первых заморозков. Стоит холодному инею ударить по стеблям, как листья желтеют, и вся мякоть теряет свою сладость. А судя по тому, как рано в этом году наступили холода, деревню ждала череда сильных заморозков. Риски были слишком велики, и никто из местных не соглашался выкупить этот участок.

Старик Сунь ходил мрачнее тучи. Если ждать полного сбора урожая, уехать удастся только под Новый год. А ведь повсюду ходили слухи, что на границах и в провинциях всюду полыхает война.

После гибели Великого генерала Динъюаня правительственные войска заметно сдали позиции, и дальше смута в стране будет только нарастать.

Для дальнего путешествия с семьей правило было одно: чем раньше тронешься в путь, тем целее будешь.

Пока Шэнь Цинжань всюду давил подушку, обязанность по приготовлению обеда плавно переключалась на плечи Сюэ Фэйфэна. А для этого в первую очередь требовалось раздобыть хоть каких-то овощей.

Опираясь на костыли, мужчина вышел за порог, намереваясь отыскать кого-нибудь на грядках и купить пару пучков зелени напрямую.

Проходя мимо тростникового поля, Сюэ Фэйфэн как раз застал картину, подслушав, как старик Сунь, поглаживая маленького внука по затылку, тяжело вздыхает.

Мальчуган с треском обдирал зубами фиолетовую кожицу тростника. Зубы у малого были на редкость крепкими: он с хрустом пережевывал сладкую мякоть, а липкий сок ручьями стекал прямо на ворот его рубахи.

Старик Сунь вытер ладонью его пухлый подбородок и проворчал:

— Ах ты, сорванец, тебе-то весело сладости трескать. А вот если дед продаст всю эту делянку и купит тебе сочную жареную курицу, захочешь?

Сюэ Фэйфэн невольно притормозил, и в его душе шевельнулось искушение. В их доме гулял гулкий ветер, и вечно так продолжаться не могло — следовало забить кладовую припасами.

О вещах, которые он пока не мог достать из-за своего положения, не стоило и заикаться, но почему у Шэнь Цинжана не должно быть того, что имелось у любого жителя Лицзяцунь?

К тому же вечно бегать с поклоном к тетушке Чжан или тетушке Ли за каждой травинкой — не дело. Если уж покупать, то с размахом, да так, чтобы еды и припасов хватило с лихвой.

— Почему продаете тростник? — негромко спросил Сюэ Фэйфэн.

Глаза старика Суня радостно вспыхнули, но стоило ему разглядеть покалеченную ногу и убогую одежду стоявшего перед ним мужчины, как весь его запал тут же угас:

— Еще не до конца созрел, не продается.

Сюэ Фэйфэн без лишних слов достал из широкого рукава увесистый слиток чистого серебра. Тяжелое благородное сияние металла вмиг приковало к себе алчный взгляд старика.

— Продаю! Продаю! — мгновенно переобулся старик Сунь, угодливо кланяясь и чуть ли не складываясь пополам. — Сколько изволите взять? Всё устроим в лучшем виде.

Сюэ Фэйфэн слегка приоткрыл тонкие губы и произнес всего два слова, от которых старик Сунь впоследствии не мог уснуть всю ночь от нахлынувшего счастья:

— Забираю всё.

— Ох, благодетель! — старик расплылся в такой широкой улыбке, что наружу показались все его зубы. Он бесцеремонно притянул к себе внука, вырвал из его рук недоеденный кусок тростника и с глубочайшим почтением протянул Сюэ Фэйфэну: — Вот, это тоже теперь ваше!

Мужчина посмотрел на сочащийся стебель, покрытый ровным рядом детских зубов, и на его лице отразилось такое неприкрытое брезгливое отвращение, что старик Сунь тут же испугался, решив, что покупатель пошел на попятную.

Он поспешно зажал ладонью рот захныкавшему внуку и принялся утешать:

— Цена самая что ни на есть честная! Всего двадцать лянов серебра — и я в придачу отдам вам каменный пресс для отжима сахара, что стоит у меня на заднем дворе... Что скажете?

«Каменный пресс? У Шэнь Цинжання вряд ли хватит сил даже сдвинуть его с места», — мысленно покачал головой Сюэ Фэйфэн.

На самом деле он просто хотел раздобыть для «супруги» побольше лакомств, чтобы хоть как-то скрасить его деревенские будни.

К тому же в понимании Сюэ Фэйфэна у мужчины должно быть много земли — чем больше твои владения, тем спокойнее на душе. У покойного Ли Фэна в собственности имелось лишь несколько клочков бесплодной пашни. Если он выкупит для Шэнь Цинжання целых пять му сочного тростника, она ведь наверняка обрадуется?

Мысль о том, что его изнеженная «супруга» ни в чем не должна тесниться, заставила Сюэ Фэйфэна напрочь позабыть о конспирации и осторожности — он не задумываясь выложил за раз несколько десятков лянов.

Старик Сунь, будучи тертым калачом, заметил мимолетную задумчивость на лице покупателя. Панически боясь упустить единственный шанс избавиться от обузы, он поспешно выложил последний козырь:

— Ах да, чуть не забыл! Там, у самого подножия горы, есть еще два рыбных пруда. Хоть за ними уже пару лет никто не ухаживал, но если решите разводить рыбу — вода там чистейшая, ключевая, караси да карпы вырастают жирными, пальчики оближешь! Я слышал, ты, Фэн-цзы, как раз недавно женился... В будущем, когда твоя женушка понесет да родит, для набора сил и притока молока жирный рыбный суп — первое средство! Эти пруды вам еще как пригодятся...

Старик зашел в своих фантазиях слишком далеко, и Сюэ Фэйфэн резко оборвал его:

— По рукам. По рукам, на этом и порешим.

Оба немедленно отправились к деревенскому старосте, где составили официальную купчую и скрепили её отпечатками пальцев. Таким образом, пока Шэнь Цинжань безмятежно спал в теплой постели, Сюэ Фэйфэн умудрился приобрести для него целое состояние.

— Фэн-цзы, ты и впрямь хорошенько всё обдумал? — увещевал его староста, качая головой. — Все в деревне знают, как тяжело приходится вашей семье. Через месяц-другой, когда придет пора собирать этот тростник, давить из него сахар или везти на продажу в город, тебе понадобится уйма рабочих рук. А с твоими ногами... как ты со всем этим справишься?

— Продавать не буду, — с абсолютно трезвой головой ответил Сюэ Фэйфэн. — Оставим себе, будем есть.

Староста так и замер с открытым ртом. «Ты что, скотину дома разводишь, чтобы столько сожрать?»

— Фэн-цзы, скажи мне по чести: это тебя твоя молодая женушка заставила купить? Если ты так сильно боишься своей благоверной... — староста, судя по всему, сам имел в этом деле богатый жизненный опыт, поэтому понизил голос: — Купил бы ей пару вязанок для отвода глаз, мол, съешь — еще принесу. Месяц погрызет, оскомину собьет, да и забудет об этом деле.

Видя, что Сюэ Фэйфэн стоит на своем как скала, староста искренне подивился:

— Надо же, неужто на этой войне теперь столько платят?

Мужчина небрежно бросил заранее заготовленную ложь:

— В прошлом году я закрыл нашего генерала от вражеской стрелы. Генерал проявил милость и пожаловал мне в награду двадцать лянов серебра.

Староста и собравшиеся крестьяне невольно перевели взгляды на его покалеченную ногу и понимающе закивали — что ж, за такую цену лишиться здоровья было делом справедливым.

Но тратить все эти кровные, политые потом и кровью деньги исключительно на то, чтобы ублажить капризы изнеженной женушки?!

Староста лишь сокрушенно вздохнул. Судя по всему, в самом ближайшем будущем в их деревне станет одной парой нищих попрошайек больше.

Когда Шэнь Цинжань увидел принесенные Сюэ Фэйфэном официальные документы с красными печатями, он несколько раз неверяще протер глаза.

«Я что, просто поспал часок — и мир перевернулся?»

«Нам теперь придется пахать на полях?!»

Внутри парня бушевал яростный, истошный крик: «Ты что творишь, безумец?! Я не хочу ковыряться в земле!»

Да после такого удара судьбы, какая, к черту, постель?! Кто теперь вообще посмеет спать допоздна?!

Его лицо исказилось от бури эмоций, а на глаза навернулись искренние слезы. Душу Шэнь Цинжаня затопило непреодолимое, глухое чувство фатализма: в этом мире жанра "сельское хозяйство" никто не может безнаказанно бездельничать. Никто и никогда.

Сюэ Фэйфэн впервые в жизни делал подарок девушке (пусть даже эта «девушка» была его законной супругой лишь на бумаге), отчего внутри него поселилось непривычное волнение.

Он внимательно взгляделся в исказившееся лицо Шэнь Цинжаня:

— Тебе не нравится?

Заметив в глазах мужа тень глубокой обиды и растерянности, Шэнь Цинжань судорожно выдохнул, взял его за руку и быстро вывел: «Всё нравится. Очень нравится».

Младший брат из последних сил старался, покупал для старшего землю — разве можно было не оценить такой порыв? Шэнь Цинжань был готов разрыдаться от этой "заботы".

— Ну и славно, — Сюэ Фэйфэн заметно расслабился. — Старик Сунь так спешил уехать, что вдобавок отдал два рыбных пруда. Если встанешь у порога, их отлично видно на горизонте.

Пять му тростника да еще два рыбных пруда в придачу... Шэнь Цинжань едва не грохнулся в обморок прямо на месте.

До его городского ума никак не могло прийти, что Сюэ Фэйфэн покупал вовсе не абстрактные участки земли, а исключительно готовое лакомство для него.

В понимании Шэнь Цинжана, раз у тебя появилась земля — её кровь из носа нужно возделывать, ведь не может же нормальный человек позволить участкам бесцельно зарастать бурьяном?

Вот только Сюэ Фэйфэн был калекой!

Мог ли Шэнь Цинжань, будучи совершенно здоровым парнем, преспокойно взирать на то, как хромой инвалид надрывается на плантациях?

Разумеется, нет.

А значит, в конечном счете весь этот адский труд ляжет исключительно на его собственные плечи.

«Да где же носит эту главную героиню романа?!» — взмолился он про себя.

Если так пойдет и дальше, его, чего доброго, вышвырнут из этого дома за абсолютное нежелание заниматься сельским хозяйством.

Между тем Сюэ Фэйфэн ловко обтесал ножом два толстых стебля тростника, счистив жесткую кожицу до единого волокна. Очищенный тростник напоминал изящные полупрозрачные нефритовые столбики, словно высеченные из застывшего медового сиропа — один их вид заставлял рот исходить слюной.

Мужчина порубил их на несколько небольших брусков, протянул добрую половину Шэнь Цинжаню, а остальное отложил в сторону:

— Через пару недель, когда ударят первые холода, они станут еще слаще. Старик Сунь говорил, что если подсесть этот тростник и выпарить вместе с рисом, каша получается отменного вкуса. В обед можем попробовать.

А еще старик Сунь говорил, что в прудах можно разводить жирную рыбу, а рыбный наваристый бульон очень полезен для... Сюэ Фэйфэн резко оборвал свои мысли. Им с Шэнь Цинжанем эти детородные свойства точно не пригодятся.

Шэнь Цинжань пребывал в глубочайшей скорби, и от этой печали у него начисто пропало всякое желание возиться у печи. Он уныло принял брусок тростника и с хрустом вонзил в него зубы.

Хлынувший сладкий нектар в одно мгновение заполнил весь рот, напоминая по вкусу чистейшую талую воду со склонов ледников, щедро сдобренную медом. Такое лакомство идеально подходило для того, чтобы не торопясь грызть его в погожий, залитый мягким солнцем зимний полдень.

Парень шмыгнул носом, и вся его вселенская обида как-то сама собой улетучилась.

Надо же, это был всего лишь третий продукт после белого риса и вареных яиц, который его капризный организм принял без капли отвращения. Эта сладость принесла ему немало душевного покоя и удовлетворения.

Но смотреть на лицо Сюэ Фэйфэна ему всё равно не хотелось как минимум ближайший час. Стоило парню поднять на него взгляд, как перед глазами тут же всплывали проклятые пять му земли, а от мыслей о полях на душу наваливалась невыносимая усталость.

Прикончив свой тростник, Шэнь Цинжань подхватил тяжелый таз с грязным бельем и отправился к реке.

Сюэ Фэйфэн всегда стирал свои вещи самостоятельно сразу после купания, в то время как Шэнь Цинжань вел себя как типичный домосед: он копил одежду неделями и отправлялся на стирку лишь тогда, когда чистых вещей совсем не оставалось.

В его тазу пестрел ворох разномастной одежды — тут были и мужские халаты, и женские платья. По дороге ему повстречалась тетушка Чжан; женщина окинула его корзину глубоко удовлетворенным взглядом: «Надо же, как Фэн-цзы повезло, теперь есть кому позаботиться о его гардеробе».

Ей и невдомёк было, что абсолютно все эти вещи, независимо от фасона, носил исключительно сам Шэнь Цинжань. Иногда он попросту одалживал просторные халаты у своего названного мужа, поскольку вычурные наряды прежнего хозяина тела категорически не совпадали с его собственными представлениями о вкусе.

Погода стояла чудесная, поэтому у самой кромки воды уже собралась добрая половина деревенских кумушек.

Шэнь Цинжань еще издали услышал их звонкий смех и шутки, но стоило ему подойти ближе, как над рекой воцарилась гробовая тишина. Парень лишь слегка приподнял веки: «Ну точно, опять перемывали мне косточки».

Не удостоив сплетниц даже мимолетным взглядом, он отыскал свободный плоский валун в стороне от всех. Шэнь Цинжань неумело развернул длинный подол халата, но ткань оказалась столь громоздкой, что он едва не опрокинул весь таз с вещами прямо в мутную воду.

Среди кумушек тут же раздались тихие, язвительные смешки.

Парень и бровью не повел. Внимательно проследив за тем, как орудуют мылом и колотушками остальные бабы, он принялся в точности повторять их движения.

Стирка у реки испокон веков была для деревенских женщин главным местом обмена свежими сплетнями. Помолчав для приличия пару минут, кумушки не выдержали и снова завели свои речи.

В конце концов, Шэнь Цинжань был немым — они могли молоть языками хоть до скончания веков, он всё равно никому ничего не расскажет.

— Вы слышали? Фэн-цзы ради неё потратил целых двадцать лянов серебра, выкупив все пять му тростника у старика Суня!

— Да как не слышать! Старик Сунь на этом тростнике прогорел так, что аж позеленел весь от убытков, кто ж знал, что перед самым отъездом ему на ловца и зверь пробежит — такого знатного простофилю отхватил!

— И что это на Фэн-цзы нашло, ума не приложу? Староста говорил, будто эти двадцать лянов он получил за то, что закрыл генерала от вражеской стрелы. И надо же — разом все кровные

спустил, даже глазом не моргнул!

— Так он из-за этих денег, почитай, инвалидом на всю жизнь остался! Если б мой обалдуй вздумал привести в дом такую расточительную девку, я б ему самолично ноги переломала! — эта несостоявшаяся свекровь распалилась не на шутку.

Она со всей дури шарахнула деревянным вальком по воде, отчего во все стороны полетели тучи брызг, вызвав недовольный ропот её соседок.

Чувствуя за собой силу толпы, бабы заговорили еще громче, нарочно стараясь, чтобы их слова долетали до ушей Шэнь Цинжаня — то ли хотели выведать правду, то ли просто поглумиться.

Услышав о том, откуда у Сюэ Фэйфэна взялось это богатство, Шэнь Цинжань на секунду замер, а его дыхание перехватило.

«Двадцать лянов за то, что едва не расстался с жизнью?!»

Да у этого Сюэ Фэйфэна вместо мозгов солома!

Зная, что в доме нет ни одной рабочей силы, пойти и выкупить плантации? Он что, на своей войне окончательно рассудок потерял? Думает, если земля есть, на ней колосья сами собой вырастут?

В его памяти тут же всплыл образ мужа: как тот тяжело опирается на костыли при каждом шаге, как напрягаются до предела жилы на его крепких руках... На это даже смотреть было больно.

Сперва Сюэ Фэйфэн жутко противился тому, что парень выводит знаки на его ладонях, но поскольку деваться калеке было некуда, ему оставалось лишь покорно терпеть все эти бесцеремонные вольности.

А затем перед глазами Шэнь Цинжаня пронеслась утренняя сцена со свистящими ножнами. Если бы ноги Сюэ Фэйфэна были целы, насколько великим и блистательным мужем он предстал бы перед этим миром? Скакал бы на лихом коне, умирлял мятежи, получал титулы и высокие чины от самого Императора.

Шэнь Цинжань в обеих своих жизнях волею судеб умудрился побывать в роли почетного члена семьи военнотруженика. И сейчас в его груди шевельнулась столь острая, щемящая жалость, что он мысленно принялся костить почем свет стоит того бездушного военачальника.

Сюэ Фэйфэн заплатил за победу такую непомерную цену, а этот паршивый командир отделался жалкими двадцатью лянами?!

«Тьфу, что за мелочный и скупой генерал!»

В это самое время сидевший дома Сюэ Фэйфэн ни с того ни с сего звонко чихнул.

Шэнь Цинжань задумчиво тер одежду в воде. Эта земля была куплена на деньги, за которые его названный муж едва не отдал Богу душу. Если он теперь позволит этим полям зарости бурьяном, его собственная совесть просто загрызет его заживо.

Но если начать пахать — это в корне шло вразрез со всеми его жизненными принципами.

Сплетничающие бабы, видя, что виновник пересудов никак не реагирует на их колкости, а

лишь молча и усердно трет белье, быстро потеряли к нему всякий интерес.

И тут в дело вступила ядовитая госпожа Цай, которая одним махом перевела банальные сплетни в плоскость грязных оскорблений:

— Да этот Фэн-цзы, почитай, всю жизнь готов положить под юбку этой девке, верно? Предки их в гробу, небось, перевернулись от такого позора. Жонка его направо и налево с чужими мужиками крутила, принесла в подоле безродного ублюдка, а ему хоть бы хны! Неужто нашему калеке по душе пришелся такой обедок?

Остальные кумушки лишь неловко заерзали на своих местах, не решаясь подхватить столь грязные речи — всё-таки человек, о котором шла речь, сидел в паре шагов от них.

Шэнь Цинжань при виде госпожи Цай еще с самого начала ухо держал востро. Он не горел желанием вступать с ней в открытые перепалки.

Во-первых, прежний хозяин тела действительно совершил немало грехов, и раз уж он занял это тело, то волей-неволей приходится нести этот крест, пропуская мимо ушей чужой треп. Во-вторых, он всё-таки был мужчиной, и опускаться до рукоприкладства со старой бабой было ниже его достоинства, а ответить словесно он чисто физически не мог.

Госпожа Цай подхватила свой таз с бельем и нарочно развернулась так, чтобы пройти прямо за спиной Шэнь Цинжаня, ощутимо толкнув его бедром:

— Как по мне, так этот ваш Фэн-цзы — обычный трус и ничтожество!

Ладно бы эта ведьма костила его самого, но оскорблять Сюэ Фэйфэна он не позволит! Мужчина просто оказался человеком с мягким сердцем и добрым нравом, с какой стати эта деревенщина смеет поливать его грязью?

Шэнь Цинжань от ярости напрочь позабыл подумать о том, про какого такого «безродного ублюдка» только что трепалась эта баба.

Парень плотно сжал губы. В тот самый миг, когда госпожа Цай намеренно навалилась на него всем телом, он резко присел, уперевшись ладонями в дно своего таза и практически распластавшись по земле.

Госпожа Цай изначально планировала хорошенько толкнуть Шэнь Цинжаня со спины, чтобы опрокинуть его шмотки в реку — то-то было бы потехи смотреть, как эта немая девка станет с плачем вылавливать мокрое белье из воды.

Но её грузная туша внезапно не встретила на своем пути никакого сопротивления.

Женщина стояла на добрых двадцать сантиметров выше парня на скользком склоне, отчего её центр тяжести моментально нарушился. Она успела лишь испуганно ойкнуть пару раз, после чего ласточкой перелетела прямо через спину Шэнь Цинжаня и с оглушительным плеском рухнула плашмя в речную гладь, подняв целую тучу брызг.

Она даже кончиком одежды не умудрилась задеть парня.

Шэнь Цинжань, проявив чудеса актерского мастерства, вместе со всеми остальными кумушками изобразил на лице крайнюю степень испуга и паники.

Госпожа Цай барахталась в воде, точь-в-точь как тонущая собака. Оставшиеся на берегу бабы поспешно протянули ей длинный бамбуковый шест, заставив её ухватиться подмышкам и с грехом пополам вытащили на сушу.

Шэнь Цинжань взирал на эту суматоху с ледяным спокойствием. Судя по силе, с которой эта ведьма улетела в воду, если бы он вовремя не пригнулся... что ж, удар пришелся бы знатный.

Пока на берегу царил полнейший хаос, парень преспокойно подхватил свой таз со стиркой и зашагал в сторону дома.

Придя во двор, он водрузил деревянную лохань прямо перед Сюэ Фэйфэном, сложил ладони вместе и устремил на него угодливый, заискивающий взгляд.

Мужчина со вздохом покорности принял свою участь: он принялся доставать из таза мокрые вещи и одну за другой усердно выжимать их, передавая Шэнь Цинжаню для просушки.

Под конец на самом дне таза остался лишь один короткий предмет гардероба — шелковый женский дудоу (китайское нижнее белье в виде ромбовидного или квадратного фартука-топа, который закрывает грудь и живот, оставляя спину полностью открытой), на котором красовалась яркая, праздничная вышивка с парой мандаринок в пруду.

Шэнь Цинжань, совершенно не подумав, по привычке протянул руку — мол, чего застыл, выжимай давай.

Сюэ Фэйфэн неловко кашлянул, отвел взгляд в сторону и аккуратно подцепил пальцами тонюсенькую полоску шелка. Он принялся выжимать её практически с закрытыми глазами; на тыльной стороне его ладоней явственно проступили тугие вены — сразу видно, что великому генералу в жизни не приходилось заниматься подобными деликатными вещами.

Шэнь Цинжань: «...»

Как он мог напрочь позабыть про эту деталь?!

Сам он эту девичью деталь гардероба, разумеется, не носил — благо в зимнюю пору слои одежды стояли толстыми, и разницу в анатомии разглядеть было невозможно. Но ради того, чтобы пустить деревенским пыль в глаза и скрыть свой истинный пол, он при каждой стирке демонстративно кидал в таз этот несчастный дудоу. Причем один и тот же — тряпка была уже едва ли не до дыр затерта его собственными руками.

Какая оплошность.

Неужто Сюэ Фэйфэн теперь решит, будто парень сделал это нарочно? Мол, смотрите, я такая изнеженная особа, что даже две полоски ткани отжать сил не хватает?

Шэнь Цинжань с предельным выражением напускного равнодушия принял скрученный в жгут дудоу. Но когда он принялся расправлять его, чтобы повесить на веревку, его пальцы наткнулись на что-то странное.

Приглядевшись внимательнее, он обнаружил, что тонкий шелк... был попросту разорван пополам мощной хваткой Сюэ Фэйфэна.

Мужчина тоже заметил этот конфуз.

В воздухе повисло затяжное, гнетущее молчание. Атмосфера стала настолько удушающей, что казалось, её можно было резать ножом.

Наконец Сюэ Фэйфэн первым нарушил тишину:

— Прости.

Лицо Шэнь Цинжана в один миг вспыхнуло пунцовым цветом. «Да мы же оба мужики, ради всего святого, давай просто сделаем вид, что этого никогда не было!»

<http://bllate.org/book/17933/1721510>